

УДК 342.4

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.47.3.06

У. А. Старшова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Российская Федерация

E-mail: k_kmp@ssla.ru

ДОКТРИНА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию теоретических и методологических основ доктрины социального государства. Автор обосновывает, что смысловое содержание данной понятийной конструкции сопряжено с необходимостью системного изучения категории «правовая доктрина», а также научных основ современного правопонимания. Аргументируется, что современные модели социальных государств определяются обязанностью субъекта подчинять свое поведение законодательным предписаниям и обязанностью государства осуществлять правоустанавливающую и правоприменительную функции в полном соответствии с системой морально-нравственных ценностей общества. Делается вывод, что на различных этапах исторического развития общественно-политические, экономические и другие социально обусловленные факторы оказывали определяющее влияние на соотношение составных элементов правовой доктрины, изменяя соотношение религиозных постулатов, правоприменительных абстракций, научных представлений о праве и справедливости, составляющих основу данного явления правовой действительности.

Ключевые слова: социальное государство; правовая доктрина; конституционное право; морально-нравственные ценности общества; правопонимание.

Введение

Теоретическую основу конструкции «доктрина социального государства» составляет категория «правовая доктрина». Последняя, в свою очередь, является неотъемлемой частью гносеологического арсенала отечественной и зарубежной юридической науки, как общетеоретической, так и отраслевой. Универсальный характер и смысловое содержание данной категории обуславливают многообразие теоретико-методологических конструкций, центральным звеном которых выступает научный термин «доктрина». В качестве примеров можно сослаться на термины «конституционно-правовая доктрина», «политико-правовая доктрина», «традиционная доктрина о парламентском суверенитете», «доктрина соотношения “централизации/децентрализации” публичной власти», «социальная доктрина» и т. п.

Многообразие политико-правовых дефиниций обуславливает вывод, что понимание теоретического значения вышеназванных терминов неразрывно связано

с уяснением смыслового содержания категории «доктрина», составляющей основание данных понятийных конструкций.

Целью данной статьи является исследование специфики доктрины российского социального государства, ее теоретико-методологический анализ.

В справочной литературе термин «доктрина» понимается как «совокупность официально принятых взглядов на какую-либо проблему и характер средств ее решения»; «учение, научное, философское или политическое утверждение, положение»; «научная концепция (обычно о философской, политической, идеологической теории)»; «политическая система, руководящий теоретический или политический принцип или нормативная формула»; «целостная концепция, совокупность принципов, используемых в качестве основы программы действия»; «совокупность постулатов, которые служат основой научной теории. Доктрина способствует объяснению теории и осуществлению анализа практических механизмов, отражает необходимость выбора между совокупностями основополагающих принципов, на основе которых может развиваться объяснительная теория» и др. [6, с. 184; 5, с. 222; 10, с. 147; 13, с. 198].

Методы

В статье используются общенаучные и специальные методы исследования. Большое значение для проведенного исследования имел системный метод. Актуализация системного метода обусловлена настоящей теоретической и практической необходимостью комплексного и системного подхода к освоению заявленной проблемы.

Основное исследование

Научное правопознание не выходит за рамки общепринятых представлений о доктрине, рассматривая ее в целом как «совокупность признанных научных или официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения чего-либо» [14, с. 293]. Тем не менее в юридической науке отмечается специфика категории «правовая доктрина» [3].

По справедливому замечанию Т. М. Пряхиной, отличие правовой доктрины от подобных логических конструктов других социально-политических наук заключается в ее пределах, так как правовая доктрина распространяется лишь на юридическую сферу [12, с. 7].

Полагаем, что с указанным автором можно согласиться лишь отчасти. На наш взгляд, понимание пределов применения категории «правовая доктрина» не позволяет исчерпывающе определить данное понятие. Поэтому научные представления о правовой доктрине, выдвигающие в качестве ее основной характеристики распространение на правовую действительность, должны

быть дополнены положениями о содержательной стороне категории «правовая доктрина» и ее сущности как регулятора общественных отношений.

В рамках нашей тематики исследование специфики категории правовой доктрины приобретает особое значение, поскольку возможность построения правовой доктрины социального государства вытекает из разрешения вопроса о сущности социального государства, соотношении государства социального и правового и, как следствие, о регуливающей роли права в формировании и деятельности социального государства.

Применительно к проблеме соотношения правового государства и социального государства следует отметить, что существует несколько взаимоисключающих точек зрения. Очевидно, что противоречия в научных воззрениях базируются на признании или отрицании принципиальных отличий этих явлений общественного развития. Отсюда условно можно выделить три направления научных воззрений:

1) социальное государство представляет собой образование, отличное от правового государства;

2) социальное государство является продолжением, наиболее совершенной формой правового государства;

3) социальное государство тождественно понятию правового государства, оно и есть правовое государство, построенное на праве справедливости (на законности, справедливых законах).

Подобные различия во взглядах основываются прежде всего на различном правопонимании. Как правильно отмечает Э. В. Габрелян, «проблема соотношения правового и социального государства лишена смысла в контексте легизма, так как данный тип правопонимания любое официально-властное установленное и гарантированное принуждением законоположение рассматривает как правовое» [1, с. 33]. Далее автор, критически осмысливая концепцию легизма, утверждает, что социальное государство может быть обосновано с позиций целесообразности (прагматизма), морали или права [Там же, с. 34].

В связи с этим мы полагаем, что существуют как минимум две причины, требующие рассмотрения проблемы правопонимания в рамках нашей темы. Во-первых, анализ типов правопонимания позволяет провести более строгое разграничение категории «право» с категорией «правовая доктрина». Во-вторых, исследование теоретико-правовой системы «правопонимание – правовая доктрина» позволяет решить две важнейшие методологические задачи рассматриваемой темы:

А. Каким образом выбор такого типа правопонимания, который предполагает неразрывную связь права и морали, предопределяет наполнение доктрины социального государства морально-этическим содержанием?

Б. Какое влияние правопонимание оказало на становление и развитие конституционно-правовых основ механизма правового регулирования социального государства в разных странах?

Отправной позицией нашего анализа служит классификация типов правопонимания, которую предложил М. Новак: 1) эксклюзивный позитивизм;

2) эксклюзивный непозитивизм; 3) инклюзивный позитивизм; 4) инклюзивный непозитивизм [19, с. 80–83]. Основной разделительной чертой между позитивизмом/непозитивизмом эксклюзивным (исключающим) и инклюзивным (включающим) является, согласно формулировке, предложенной К. Э. Химма, вопрос о совпадении права и морали [20, с. 125]. При этом сторонники инклюзивного позитивизма/непозитивизма подчеркивают, что право не может существовать без соотношения с моралью и, следовательно, речь необходимо вести лишь о степени совпадения права и морали.

В противоположность этой точке зрения эксклюзивные позитивисты отстаивают мнение о том, что право не имеет необходимого совпадения с моралью, так как в конечном итоге право как социальное явление, обладающее свойством нормативности, сводится к привычке и страху. При объяснении данного тезиса Джон Остин опирался на выдвинутую им же так называемую командную теорию суверенитета. Согласно этой теории, суверенитет имплицитно включает три основных компонента: 1) намерение субъекта, наделенного властными полномочиями, принудить лицо к определенной форме поведения; 2) объективация этого намерения во внешней среде в виде властного предписания, адресованного подчиненному субъекту; 3) объективно существующая возможность властвующего субъекта налагать санкции на подчиненного субъекта, если поведение последнего не соответствует предписанной приказом форме.

Нормативную природу права Дж. Остин объясняет страхом подчиненного субъекта относительно возможности применения санкций при несоответствии поведения приказу. В таком случае, замечает Дж. Остин, обращаться к морали для объяснения сущности права необходимости нет [15, с. 89–91].

В противовес эксклюзивному позитивизму Г. Кельзен выдвинул теорию периферийного вменения, которая была положена в основание учения об инклюзивном позитивизме, т. е. той разновидности позитивизма, которая в качестве исходного условия постулирует связь права и морали.

Периферийное вменение, по Кельзену, представляет собой конструкцию, «где один материальный факт связан с другим материальным фактом в рамках системы; иными словами, там, где два материальных факта связаны между собой в реконструированной правовой норме» [18, с. 57]. Именно периферийное вменение в качестве одного из условий нормативно-правового регулирования с необходимостью предполагает установление юридического состояния ответственности. Таким образом, по Кельзену, теория периферийного вменения представляет собой некое отражение философского учения о всеобщей причинно-следственной связи.

Вместе с тем в теории периферийного вменения термины «юридические условия» и «юридические последствия» используются для выражения связи юридически значимых действий и юридической ответственности. В свою очередь, юридическая ответственность является необходимым условием реализации нормативно-правовых санкций, которые, важно отметить, могут быть реализованы, но могут и не применяться. В этой области, по смыслу учения

Кельзена, и происходит пересечение права и морали, так как состояние юридической ответственности с необходимостью наступает при наличии некоторых фактов, предусмотренных правовой нормой, тогда как применение санкций (уголовных, административных, гражданско-правовых) становится возможным при наличии не только юридических предпосылок, но и сколь угодно широкого ряда иных условий, среди которых существенное место принадлежит условиям морально-этического содержания [Там же, с. 32–57].

Необходимо отметить, что основу правопонимания современных развитых демократических государств составляет сочетание вышеприведенных полярных точек зрения на сущность права. С одной стороны, субъект права в демократическом государстве обязан, по справедливому замечанию Р. Дворкина, признавать верховенство правовой нормы и подчинять ей свое поведение даже в том случае, если считает, что норма противоречит его морально-нравственным принципам [4, с. 255]. С другой стороны, как подчеркивает Г. Ходсон, право демократического государства одним из источников должно иметь то, «что обычные люди признают за моральную добродетель» [21, с. 1].

Правовой формой реализации доктрины социального государства выступает комплекс конституционно-правовых норм, отражающий систему либеральных ценностей. За рубежом, как отмечал Ф. Кауфман, доктрина социального государства «выражается в конституционных целях» [17, с. 11]. Соглашаясь с указанным автором, отметим, что закрепления одних лишь конституционных целей, на наш взгляд, не вполне достаточно.

Проведенный нами анализ законодательных источников показывает, что конституционно-правовая конструкция, характеризующая государство как социальное, зачастую принимает форму жесткой инвариантной связи нормы, декларирующей социальность государства, и норм, закрепляющих либеральные ценности.

В качестве примера можно указать на источники конституционного регулирования стран континентальной правовой системы, таких как ФРГ, Французской Республики и Российской Федерации. Так, конституционная норма Основного закона ФРГ, закрепленная в ч. 1 ст. 20, устанавливает, что «Федеративная республика Германия является... социальным государством». При этом в ст. 1–5 и некоторых других Основного закона ФРГ перечисляются либеральные ценности, корреспондируемые социальному государству.

Аналогичные нормы включены в содержание Конституции Французской Республики. В ст. 2 провозглашается: «Франция является... социальной... республикой», и в этой же статье закрепляются соответствующие либеральные ценности: свобода, равенство, братство и др.

В Конституции Российской Федерации, как и в вышеперечисленных основных законах зарубежных стран, содержится правовой постулат о социальной сущности государства: «Российская Федерация — социальное государство» (п. 1 ст. 7), и вместе с тем здесь же закрепляются либеральные ценности (ст. 17–64 и др.).

При этом все перечисленные конституционные источники в той или иной форме содержат положения о необходимости выполнения законодательно

установленных обязанностей (п. 1 ст. 33 Основного закона ФРГ, ч. 3 ст. 77 Конституции Французской Республики, п. 2 ст. 6 Конституции Российской Федерации).

Исследование категории «правовая доктрина», как и любого другого правового явления, будет результативным лишь при условии, если оно опирается на прочную методологическую основу. Очевидно, что более точному и правильному определению категории «правовая доктрина», способствует системный метод, позволяющий исследовать содержательную сторону правовой доктрины исходя из внутренней организации ее элементов.

Содержательная сторона категории «правовая доктрина» раскрывается исследователями через различные элементы, являющиеся источниками права, одинаково присущими и странам англосаксонского права (*common law*), и странам романо-германской правовой системы. Так, Ю. А. Огнева, раскрывая вопрос об источниках английского права, констатировала, что и в прошлом, и на современном этапе основу правовой системы *common law* составляла правовая доктрина, представленная прецедентным правом — судебскими решениями, имеющими обязательную силу для всех юридических дел аналогичных категорий. По этой причине, как подчеркивает данный автор, ни в прошедшие периоды, ни сегодня влияние правовой доктрины как системы научных представлений о целях, задачах, принципах и функциях правоустанавливающей и правоприменительной деятельности, наряду с общепризнанными трудами ученых-юристов, никогда полностью не исключалось [9, с. 168].

Позицию Ю. А. Огневой в полной мере разделяет М. Н. Марченко, по мнению которого правовая доктрина *common law* в период становления и на этапах раннего развития формировалась на основе юридических постулатов, сформулированных в теоретических трудах таких известных в свое время судей, как Кок, Брэктон, Глэнвилд и др. В связи с этим М. Н. Марченко, характеризуя доктринальную сущность англосаксонской правовой системы, отмечает, что в современных правовых системах Великобритании, США, Канады, Австралии и других стран этой правовой семьи труды авторитетных правоведов не только высоко оцениваются практическими юристами, но и признаются в качестве значимого источника права [8, с. 606–607].

В странах романо-германской правовой семьи традиция ссылаться на правовую доктрину сформировалась еще в Римской республике. Во время судебного рассмотрения дела стороны могли обращаться к тому или иному известному юристу за авторитетным заключением по делу. Мнению таких юристов придавалось значение источника права [1, с. 42].

В историческом аспекте наиболее значимым источником права доктрина считалась в иудейском праве. Правовая доктрина данной правовой семьи, как отмечал М. Н. Марченко, включала канонические формулы разрешения тех или иных категорий дел, а также мнения различных школ толкователей клерикальных текстов, так как некоторые комментарии указанных источников широко применялись в судебной практике разрешения споров по иудейскому праву [8, с. 731].

В европейском праве Средневековья наиболее значимый вклад в развитие такой высшей формы теоретико-правовой абстракции, как «правовая доктрина», внесла юридическая практика, представленная главным образом позициями глоссаторов — толкователей древних юридических и религиозных текстов. Следуя античной философской традиции и отделяя мир реальных сущностей от мира идеальных форм, правовая мысль средневековой Европы стремилась унифицировать право, в первую очередь за счет приведения права к единому началу (*reductio ad unum*). Ранние юристы-глоссаторы видели основу унификации права в античном философском постулате, согласно которому в идеальном мире существует всеобщая справедливость (*aequitas*). Право (*jus*) должно представлять собой воплощение справедливости в мире реальных сущностей. Опираясь на труды античных мыслителей, юристы средневековой Европы полагали, что *aequitas*, т. е. всеобщая справедливость идеального мира, обладает свойством познаваемости. Поэтому свою основную задачу глоссаторы видели в познании справедливости мира и придании ей овеществленной письменной формы законодательных установлений — *aequitas constituta* [16]. Тем самым глоссаторы внесли неоценимый вклад в становление научного подхода к развитию юридических догм. Благодаря деятельности глоссаторов религиозное содержание европейской правовой доктрины было дополнено систематизированными, причинно-обусловленными, фундаментальными положениями, связанными с представлениями о справедливости, которые противопоставлялись феодальному праву-привилегии и отражали всеобщую систему политических, экономических и морально-нравственных ценностей европейских народов [7].

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением отечественного дореволюционного правоведа Ю. С. Гамбарова, что правовая доктрина представляет собой чрезвычайно сложное понятие, подверженное существенным изменениям в зависимости от временных и пространственных условий: «[Правовая доктрина] представляет ли собой такое право..., самостоятельный источник права или оно входит составной частью в обычное и законодательное право — этот вопрос чрезвычайно спорен и исполнен до сих пор неясностей» [2, с. 334].

Выводы

Вышеизложенное показывает, что правопонимание и правовая доктрина являются интегрированными категориями и соотносятся как часть и целое. Именно это свойство теоретико-правовой системы «правопонимание – правовая доктрина» определяет внешний облик социального государства, отраженный в конституционных нормах. Поэтому все разнообразие современных моделей государств благосостояния (социальных государств) определяется в большей или меньшей степени обязанностью субъекта подчинять свое поведение законодательным предписаниям и обязанностью государства осуществлять

правоустанавливающую и правоприменительную функции в полном соответствии с системой морально-нравственных ценностей общества.

Анализ становления и развития категории «правовая доктрина» показывает значительное разнообразие ее содержательной стороны. Общественно-политические, экономические и другие социально-обусловленные факторы оказывали определяющее влияние на соотношение составных элементов правовой доктрины, изменяя соотношение религиозных постулатов, правоприменительных абстракций, сформированных на основе обобщения судебной практики, научных представлений о праве и справедливости, составляющих основу данного явления правовой действительности.

Литература

1. Габрелян Э. В. О правовом и социальном государстве // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 32–34.
2. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права: в 2 т. Т. 1: Часть общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 793 с.
3. Гонгало Б. М. Объективное и субъективное в правовой доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 42–46.
4. Дворкин Р. О правах всерьез / под ред. Л. Б. Макеева. М.: РОСПЭН, 2004. 389 с.
5. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, 2006. Т. I. 792 с.
7. Котляр И. А. Понятие «*jus commune*» в европейской правовой традиции // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2009. № 5. С. 89–100.
8. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Проспект, 2008. 760 с.
9. Огнева Ю. А. Трактаты английских средневековых правоведов как источник «общего права» Англии: теоретические аспекты // Источники (формы) права: вопросы теории и истории: мат-лы Всероссийской науч. конф. / отв. ред. В. В. Момотов. Сочи: Кубанский госуниверситет, 2002. С. 166–169.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
11. Поленак-Акимовская М., Пухан И. Римское право: учебник / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 1999. 448 с.
12. Пряхина Т. М. Конституционная доктрина современной России. Саратов: СГУ, 2002. 140 с.
13. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017. 512 с.
14. Тихомиров М. Ю., Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформ-центр, 1997. 526 с.
15. Austin J. Lectures on Jurisprudence and Philosophy of Positive Law. Jersey City: Frederic D. Linn & Company, 1875. 364 p.
16. Calasso Fr. Medio Evo del diritto. Milano: Editore Giuffrè, 1954. Vol. 1. P. 377–389.
17. Kaufmann F. European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). New York: Berghahn Books, 2012. 406 с.

18. Kelsen H. *Reine Rechtslehre. Reine Rechtslehre: Mit einem Anh: Das Problem der Gerechtigkeit.* Wien: Deuticke, 1976. 498 s.
19. Novak M. *The type theory of law: an essay in psychoanalytic jurisprudence.* Dordrecht: Springer, 2016. 128 p.
20. Himma K. E. *Inclusive Legal Positivism / The Oxford Handbook of Jurisprudence & Philosophy of Law: by Jules Coleman & Scott J. Shapiro (eds.).* Oxford: Oxford University Press, 2002. 1060 p.
21. Hodgson G. *Ronald Dworkin obituary // The Guardian.* 2013. February 14.

Literatura

1. Gabrelyan E`. V. O pravovom i social`nom gosudarstve // *Rossijskaya yusticiya.* 2011. № 5. S. 32–34.
2. Gambarov Yu. S. *Kurs grazhdanskogo prava: v 2 t. T. 1: Chast` obshhaya.* SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1911. 793 s.
3. Gongalo B. M. Ob`ektivnoe i sub`ektivnoe v pravovoj doktrine // *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava.* 2015. № 4. S. 42–46.
4. Dvorkin R. *O pravax vser`ez / pod red. L. B. Makeeva.* M.: ROSPE`N, 2004. 389 s.
5. Egorova T. V. *Slovar` inostranny`x slov sovremennogo russkogo yazy`ka.* M.: Adelant, 2014. 800 s.
6. Efremova T. F. *Sovremenny`j tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: v 3 t. M.: AST, Astrel`, 2006. T. I. 792 s.*
7. Kotlyar I. A. *Ponyatie «jus commune» v evropejskoj pravovoj tradicii // Vestnik MGU. Seriya 11. Pravo.* 2009. № 5. S. 89–100.
8. Marchenko M. N. *Istochniki prava: ucheb. posobie.* M.: Prospekt, 2008. 760 s.
9. Ogneva Yu. A. *Traktaty` anglijskix srednevekovy`x pravovedov kak istochnik «obshhogo prava» Anglii: teoreticheskie aspekty` // Istochniki (formy`) prava: voprosy` teorii i istorii: mat-ly` Vserossijskoj nauch. konf. / otv. red. V. V. Momotov.* Sochi: Kubanskiy gosuniversitet, 2002. S. 166–169.
10. Ozhegov S. I. *Slovar` russkogo yazy`ka / pod red. chl.-kor. AN SSSR N. Yu. Shvedovoj.* 20-e izd. M.: Russkij yazy`k, 1989. 750 s.
11. Polenak-Akimovskaya M., Puxan I. *Rimskoe pravo: uchebnik / pod red. V. A. Tomsinova.* M.: Zerczalo, 1999. 448 c.
12. Pryaxina T. M. *Konstitucionnaya doktrina sovremennoj Rossii.* Saratov: SGU, 2002. 140 s.
13. Rajzberg B. A. *Sovremenny`j e`konomicheskij slovar`.* 6-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2017. 512 s.
14. Tixomirov M. Yu., Tixomirova L. V. *Yuridicheskaya e`nciklopediya.* M.: Yurinform-centr, 1997. 526 s.
15. Austin J. *Lectures on Jurisprudence and Philosophy of Positive Law.* Jersey City: Frederic D. Linn & Company, 1875. 364 p.
16. Calasso Fr. *Medio Evo del diritto.* Milano: Editore Giuffrè, 1954. Vol. 1. P. 377–389.
17. Kaufmann F. *European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson).* New York: Berghahn Books, 2012. 406 s.
18. Kelsen H. *Reine Rechtslehre. Reine Rechtslehre: Mit einem Anh: Das Problem der Gerechtigkeit.* Wien: Deuticke, 1976. 498 s.

19. Novak M. The type theory of law: an essay in psychoanalytic jurisprudence. Dordrecht: Springer, 2016. 128 p.

20. Himma K. E. Inclusive Legal Positivism / The Oxford Handbook of Jurisprudence & Philosophy of Law: by Jules Coleman & Scott J. Shapiro (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2002. 1060 p.

21. Hodgson G. Ronald Dworkin obituary // The Guardian. 2013. February 14.

U. A. Starshova

The Doctrine of the Welfare State: Theoretical and Methodological Analysis

Abstract. This article is devoted to the study of the theoretical and methodological foundations of the welfare state doctrine. The author substantiates that the semantic content of this conceptual construction is associated with the need for a systematic study of the category of “legal doctrine”, as well as the scientific foundations of modern legal understanding. It is argued that modern models of social states are determined by the obligation of the subject to subordinate the behavior to legislative prescriptions and the obligation of the state to exercise law establishing and law enforcement functions in full accordance with the system of moral values of society. It is concluded that at various stages of historical development, social, political, economic and other socially determined factors had a decisive influence on the ratio of the constituent elements of the legal doctrine, changing the ratio of religious postulates, law enforcement abstractions, scientific ideas about law and justice, which form the basis of the phenomenon of legal reality.

Keywords: welfare state; legal doctrine; constitutional law; moral values of society; legal understanding.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2022;
одобрена после рецензирования: 10.06.2022;
принята к публикации: 11.06.2022.

The article was submitted: 26.05.2022;
approved after reviewing: 10.06.2022;
accepted for publication: 11.06.2022.